

жить как монахи-мужчины¹. Преодолеть грех и получить спасение способны в равной степени и те, и другие.

С другой стороны, возглавляя один из самых крупных монастырских комплексов того времени, Шенуте убедился, что само состояние идеала практически недостижимо в человеческом обществе. Чтобы минимизировать соблазны, женская и мужская братия должны быть разделены физически, а их общение быть весьма ограниченным. В этом проявляется непреодолимое противоречие между единством и действительным разделением, которое еще больше подчеркивает влияние плоти и пола².

Своя специфика сложилась и в административном подчинении: монахи-ни подчиняются мужчинам-старейшинам или посланникам архимандрита, а мужчины-монахи – только архимандриту Шенуте. Этому факту мы находим несколько объяснений. Во-первых, для ранних традиций женского монашества характерно мнение, что женщины нуждались в мужском руководстве как более восприимчивая и страстная натура и должны были принимать главенствующую власть мужчин. Во-вторых, слабость женского администрирования могла быть связана с тем, что среди монахинь «Белого монастыря» не было женщин высокого происхождения, способных взять на себя роль лидера.

Таким образом, традиция женского монашества в «Белом монастыре» при авве Шенуте отличалась строгостью аскетической жизни, особыми формами взаимодействия и сосуществования с мужской братией, видами хозяйственной деятельности и духовной концепцией единения и разделенности.

А. Г. Еманов

Тюменский государственный университет (Тюмень)

**Личная эмблема греческого моряка первой половины XV в.:
переворачивание кодов образного мышления**

Дмитрий Оболенский не склонен был включать в «Византийское содружество» Венецию, вышедшую из-под византийской власти в IX в., земли Латинской Романии, обретшие самые разнообразные статусы после первых крестовых походов, в особенности после четвертого. Однако там оставалось греческое население, порой значительное, продолжавшее пребывать в церковном общении с Константинопольском патриархатом. Там оставалось заметное влияние политико-правовых традиций, религиозно-этических норм, культурных устоев Византии.

¹ Krawiec R. Shenoute and the Women of the White Monastery. Egyptian Monasticism in Late Antiquity. New York, 2002. P. 95–98.

² Ibid. P. 92.

Поводом для размышлений о глубине и характере трансформаций в мышлении простого человека, представлявшего смешанную среду Латинской Романии, послужила необычная личная эмблема Михаила Родосского 40-х гг. XV в.¹, составленная по образцам западных гербов. Ее составитель происходил с о. Родос, находившегося под властью ордена родосских братьев, вероятно, из крестьянской семьи. Он не был образован, не умел ни читать, ни писать. Молодым человеком в поисках заработка он отправился на юг Италии. Там в небольшом порту Манфредонии Михаил нанялся гребцом на венецианскую государственную военную галеру, входившую в состав конвоя каравана судов в Романию.

Уже после первого плавания он смог поселиться в Венеции в приходе Сан Пьетро ди Кастелло, где проживало много греков, женился, начал обучение в школе грамматики, затем продолжил в школе арифметики, освоил абака. Морское дело, умение обращаться с картами, навигационными астрономическими приборами он осваивал на кораблях. За более чем сорок лет родосский моряк побывал в Брюгге и Лондоне, Александрии и Бейруте, Константинополе и Трапезунде, донской Тане и днестровском Монкастро, трижды останавливался в крымской Кафе. Он прошел путь от простого галерного гребца до адмирала, являвшегося в ту пору помощником капитана, главы морского каравана. Михаил Родосский натурализовался в Венеции, получил венецианское гражданство, однако несмотря на отличия и морские заслуги, не получил статуса нобилия.

Его личную эмблему составлял щит, поставленный под углом 45°, имевший справа вырез под опору копья в боевом состоянии. Поле щита рассечено золотом и серебром, окаймлено червлёным кантом. Золото аллегорически соотносилось не со знатностью и богатством, а с вечностью и светоносностью горного мира, к которому стремилась христианская душа. Серебро символизировало дольний мир, земную стихию, указывало на земледельческую среду, из которой происходил моряк. Эти тинктуры действительно были связаны с личной идентификацией родосца, они реально использовались на галерном гюйсе, когда он исполнял обязанности адмирала.

Над щитом высился лазоревый шлем в форме «жабьей головы» с отверстиями под болты соединения с кирасой. На нем помещена черная латинская готическая литера “m” с двойным изломом, адресовавшая к личному имени обладателя эмблемы. Уже в статусе кормчего венецианский выходец с Родоса получил привилегию облачаться в кирасу и шлем, но, конечно, не такой изощренной формы, предназначенной только для рыцарских турниров.

¹The Book of Michael of Rhodes. A Fifteenth-Century maritime Manuscript / Ed. by P. O. Long, D. McGee, and A. Stahl. Cambr.(Mass.), 2009. Vol. 1-3; Rec.: *Arbel B. // Mediterranean historical Review*. 2014. Vol. 29. N 2. P. 186-194.

Очень эффектна смотровая щель шлема, вызывающая ассоциацию со смеющимся ртом.

Шлем покрыт шлемовым покрывалом, намётом. Тинктурой наружной стороны выступало золото с пурпурными складками, а внутренней – лазурь. Покрывало рассечено на 11 полос, вероятно, напоминавших о числе морских боев и сражений, в которых отличился моряк. Намёт фиксировался на шлеме с помощью бурлета, венца, сплетенного из золото-лазоревого жгута.

Особенно выразительным было навершие герба, нашлемник, который образовывали фигуры непропорционально большой серой мыши, пойманной когтями черного кота. Здесь мышь, по-латински *mus*, по-гречески *μῦς*, оказывалась гласным личным знаком Михаила Родосского (Michali, Μιχαήλ, Μι[χάλη]ς). Если богословие воспринимало мышь как демоническое существо, прислуживавшее дьяволу, аллегория смертных грехов жадности, воровства, половой распущенности, то народное крестьянское сознание, к которому был генетически близок родосец, признавало в ней укорененное в земле божье творение, порождаемое землей, как и человек, питающееся злаками земли, чувствующее глубинные тектонические движения и способное своим поведением предсказывать природные катастрофы. Мышь и в новой морской жизни родосца сохраняла способность предрекать надвигавшееся кораблекрушение.

Кот, по-латински *catus*, по-гречески *κάττα*, тоже обретал перевернутое символическое понимание. Если в богословии домашний кот наделялся позитивными качествами, именем, душой, разумом, способностью к воскрешению, то в массовой психологии кот, особенно черного окраса, казался воплощением нечистой силы, смертельных опасностей для христианина. С таким котом соотносились заблуждения, ереси, иноверия. В данном случае кот оказывался аллегорией мусульман, с которыми приходилось воевать родосцу и одерживать победы.

Пародийно-инверсивный пафос эмблемы Михаила Родосца достигает апогея в двух фигурах белой редьки с зеленой ботвой, стилизованной под зубцы короны. Это – один из важных корнеплодов земледельческой культуры Средних веков, обязательный элемент крестьянской трапезы.

В целом, рассмотренная личная эмблема венецианского моряка греческого происхождения способна поведать о проявлении свободного критического мышления в народном сознании, обостренном чувстве иронии и самоиронии, что делало возможным переворачивание устоявшихся норм, задолго до озарений Эразма Роттердамского и Франсуа Рабле.